

УДК 81'373.2:821.161.1

Пространство альтернативных миров в индивидуально-авторской картине мира И. Бродского: ономастический аспект

Деревяго А.Н.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Естественным вариантом вербализации и знаний о мире, и языковой семантики являются тексты, зафиксированные в письменной форме, или воспроизводимые в речи в процессе коммуникации. Языковая личность автора выражается в непосредственном факте создания текста, насыщении его смыслами и организации образной системы, которая проецирует ментальные модели как реального, так и альтернативного мира, которые созданы И. Бродским посредством мифонимного инструментария.

Цель исследования – выявление специфики создания в поэтических текстах И. Бродского образа альтернативных миров ономастическими языковыми средствами как иллюстрация ментальных механизмов познания ирреальных сущностей.

Материал и методы. *Объектом нашего исследования стал мифонимикон поэтического текста И. Бродского как элемент воплощения в индивидуально-авторской картине мира системы универсальных мифологем. Языковой материал был собран методом сплошной выборки из поэтических текстов И. Бродского в рамках сборников «Остановка в пустыне», «Пейзаж с наводнением», а также собрания сочинений автора. Ведущим методом был описательный в единстве приемов анализа, синтеза и обобщения с применением методов логических построений и контекстного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Мифологическое сознание человека является базисом создания образа альтернативных миров. Поэтический текст И. Бродского ретранслирует и реорганизует большое количество мифологических образов и идей. Ядро мифонимного субполя поэзии В. Брюсова представлено мифоперсонимами. Это – особое структурное образование, которое как часть включает и теонимию как часть имен собственных, которые называют божеств. Мифоперсонимы часто тесно связаны с теми или иными широко известными ситуациями, которые описаны в мифе. Семантика таких имен собственных, а именно их энциклопедическая информация, скрытая в прагмакомпоненте, позволяет им стать идеальными выразителями обширных объемов смысла, зачастую не требуя дополнительных комментариев.*

Заключение. *Знаковая последовательность, представляющая художественный текст И. Бродского, многомерна и многослойна. Языковые знаки вмещают множественные смыслы, которые выстраиваются в семантические векторы индивидуально-авторской картины мира. Топос поэтического текста И. Бродского формируется не только в измерении реального субъектно-объектного мира, но и в проекции альтернативных, ирреальных миров, языковыми средствами создания образов которых являются мифонимы, чье типологическое разнообразие обеспечивает модели метафизического, альтернативного мира протореальные, осознаваемые черты.*

Ключевые слова: *индивидуально-авторская картина мира, текстовое пространство, пространство альтернативных миров, мифологическое сознание, ономастический аспект, мифонимы.*

(Ученые записки. – 2018. – Том 25. – С. 79–84)

The Space of Alternative Worlds in the Individual-Author's Picture of the World of I. Brodsky: Onomastic Aspect

Derevyago A.N.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The natural variant of verbalization and knowledge about the world, and language semantics are texts fixed in writing, or reproduced in speech in the process of communication. The linguistic personality of the author is expressed in the immediate fact of creating the text, saturating it with meanings and organizing a figurative system that projects mental models of both the real and the alternative world that were created by I. Brodsky through the mythonic elements.

The purpose of the study is to reveal the specificity of the creation in the poetic texts of I. Brodsky of the image of alternative worlds by onomastic language means as an illustration of mental mechanisms of cognition of unreal entities.

Material and methods. *The object of our research was the mythonymicon of the poetic text of I. Brodsky as an element of the embodiment in the individual author's picture of the world of the system of universal mythology. The language material was collected by the method of continuous sampling from the poetic texts of I. Brodsky in the collections "Stop in the Desert", "Landscape with a Flood", and also the collection of the author's works. The leading method was descriptive in the unity of methods of analysis, synthesis and generalization with the use of methods of logical constructions and contextual analysis.*

Findings and their discussion. *Mythological consciousness of man is the basis for creating the image of alternative worlds. Poetic text I. Brodsky retranslates and reorganizes a large number of mythological images and ideas. The core of the mythological subfield of V. Bryusov's poetry is represented by mythopersonics. This is a special structural formation, which, as part, includes the theonymy as part of proper names, which are called deities. Mythopersonics are often closely related to one or another of the widely known situations that are described in the myth. The semantics of such proper names, namely their encyclopaedic information, hidden in the pragmatic component, allows them to become the ideal spokespeople of vast volumes of meaning, often without requiring additional comments.*

Conclusion. *The sign sequence, which represents the artistic text of I. Brodsky, is multidimensional and multilayered. Language signs contain multiple meanings, which are built into the semantic vectors of the individual author's picture of the world. Topos of the poetic text of I. Brodsky is formed not only in the measurement of the real subject-object world, but also in the projection of alternative, surreal worlds, the linguistic means of creating images of which are myths whose typological diversity provides the models of a metaphysical, alternative world with proto-real, realized features.*

Key words: *an individual-author's picture of the world, text space, the space of alternative worlds, mythological consciousness, onomastic aspect, mythonims.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 25. – P. 79–84)

Авторский текст является отражением картины мира, созданной мыслящим субъектом как образ бесконечного числа объектов, связанных между собой и обусловленных установками акцентуации творческой личности. Любой человек, наделенный сознанием, интеллектуальные силы затрачивает на ориентацию в окружающем мире; реальное пространство имеет объективные характеристики и свойства, в связи с чем картина мира, создаваемая человеком, отличается своей объективно-субъективной природой, притом «человек обнаруживает вокруг себя много озадачивающих его явлений и, обладая разумом, должен находить их смысл, включать их в определенный контекст, который он может понять ... Чем дальше развивается его разум, тем более адекватной становится его система ориентации... Вполне очевидно, что его картина мира зависит от разума и знаний» [1, с. 63].

Модель художественного текста как знаковой последовательности приобретает в ареале индивидуального интеллектуального творчества многомерность, так что все активнее в лингвистической и литературоведческой науке возникает образ художественного дискурса как пространства создания и функционирования взаимосвязанных языковых знаков, максимально насыщенных разноаспектным смыслом, часть векторов которого прямо связаны с идеями альтернативной реальности.

Понятие картины мира как системы представлений о действительности, складывающейся в сознании мыслящей личности и аккумулирующейся в общую когнитивную модель нации или этноса, сложилось в философии в ответ на потребность именованного феномена моделирова-

ния окружающей человека реальности. В проблемном поле лингвистической науки XXI века ментальный образ картины мира занял одну из центральных позиций в связи с антропоцентрической парадигмой научных исследований и всесторонним рассмотрением проявлений человека в языке и языка и человека. Модель картины мира обрела реальные очертания в типологии: философская, научная, религиозная, мифологическая, образная картины мира как составляющие концептуальной картины мира получили описание и стали объектами исследования ученых разных отраслей науки. Так, лингвистикой устанавливается связь картины мира и языка, изучаются способы фиксации мыслительного содержания языковыми средствами. Как одна из знаковых систем, язык не только является частью картины мира, но и выступает основой формирования языковой картины мира. Наконец, «при помощи языка знание, полученное отдельными индивидами, способно участвовать в коммуникативных процессах, превращаясь в интерсубъектное» [2].

Естественным вариантом существования и знаний о мире, и языковой семантики являются тексты, зафиксированные в письменной форме, или воспроизводимые в речи в процессе коммуникации. Языковая личность автора выражается в непосредственном факте создания текста. В способности перцепции и интерпретации текста реализуется языковая личность субъекта, воспринимающего текст. И создатель, и реципиент текста есть воплощение языковой личности, которая, по мнению Ю.Н. Караулова, состоит из нескольких уровней, таких как «лексикон (вербально-семантический уровень), тезаурус, представляющий

«образ мира» данной личности, и прагматикон (систему личностных целей, мотивов, установок)» [3, с. 171].

Так, индивидуально-авторская языковая картина мира предстает как отображение окружающей действительности в мировосприятии отдельной *языковой личности*, как мировидение *языковой личности* через отражение его в созданных на естественном языке текстах. В нем наряду с универсальными общечеловеческими знаниями имеются уникальные представления. И концептуализация мира в художественном тексте, «с одной стороны, отражает универсальные законы мироустройства, с другой стороны, индивидуальные, порой, уникальные, воображаемые идеи» [4, с. 35].

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в рамках антропоцентрической парадигмы особый интерес вызывает вопрос о формировании индивидуально-авторской картины мира, которая, воплощенная в определенной последовательности языковых знаков, коей является текст, отражает специфику когнитивных процессов мыслящего субъекта.

Цель исследования – выявление специфики создания в поэтических текстах И. Бродского образа альтернативных миров ономастическими языковыми средствами как иллюстрация ментальных механизмов познания ирреальных сущностей.

Материал и методы. Ономастический аспект конструирования пространства альтернативных миров связан прежде всего с мифонимами, называемыми объектами нереальными или гипотетическими. Таким образом, мифонимия предстает частью онимической лексики, выступая отражением в ее границах альтернативной когнитивной реальности.

Объектом нашего исследования стал мифонимикон поэтического текста И. Бродского как элемент воплощения в индивидуально-авторской картине мира системы универсальных мифологем. Спецификой поэтики этого автора может быть признано сочетание философичности и концептуальности, когда он стремится донести идею, понятие в их чистом виде, чтобы ясность понимания идеально отражалась в слове и тексте. И в своем желании как можно более четко высказать собственное видение происходящего И. Бродский использует все возможные способы и методы, в том числе и создание модели ирреального, альтернативного пространства. Языковой материал как средство аргументации выдвинутых тезисов был собран методом сплошной выборки из поэтических текстов И. Бродского в рамках сборников «Остановка в пустыне», «Пейзаж с наводнением», а также собрания сочинений автора. Ведущим методом был описательный

в единстве приемов анализа, синтеза и обобщения с применением методов логических построений и контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Мифологическое сознание человека является базисом создания образа альтернативных миров. Исходная сущность мифа состояла в попытке на интуитивном уровне создать целостную картину мирового устройства, дополнить ограниченность эмпирического опыта. Историческое развитие теоретического мышления и освоение практического опыта нашло отражение в специальной теории относительности, где взаимосвязь Пространства и Времени воплотилась в качестве математического понятия четырехмерного континуума. К трем главным параметрам, описывающим Пространство, – длина, ширина и высота – добавилось четвертое – Время. Однако многие усомнились в некоторых свойствах четвертого параметра – например, в постоянстве Времени [5]. Мифологемы устойчивы во времени; в разных культурных и социальных условиях дают разные результаты и проецируют разные модели альтернативных, ирреальных миров. Отсюда проистекает актуальность мифологического сознания для любой культурной эпохи.

Альтернативные миры текстового пространства И. Бродского связаны с вневременной проекцией мифологических образов и идей. Как прием расширения временного континуума, использование устойчивых мифологических идей и образов в произведениях литературы имеет определенные традиции: мифологическое пространство закрыто, самодостаточно, и «единственное движение, возможное в нем – повтор, воспроизведение уже некогда свершившегося и вербализованного» [6, с. 636]. Однако спецификой индивидуально-авторской картины мира И. Бродского, реализованной в языковых знаках художественного творчества, может быть признана скрупулезная последовательность и точность воплощения в тексте многомерного образа альтернативного мироустройства, о чем свидетельствует широкий инструментарий привлеченных автором лексических средств.

Поэтический текст И. Бродского ретранслирует и реорганизует большое количество мифологических образов и идей. Неслучайно мифонимное субполе ономастического пространства по количеству элементов уступает лишь традиционному авангарду – антропонимам и топонимам.

Ядро мифонимного субполя поэзии И. Бродского представлено мифоперсонимами. Это – особое структурное образование, которое как часть включает и теонимию. Мифоперсонимы часто тесно связаны с теми или иными широко известными ситуациями, которые описаны в мифе. Семантика таких имен собственных,

а именно их энциклопедическая информация, скрытая в прагмакомпоненте, позволяет им стать идеальными выразителями обширных объемов смысла, зачастую не требуя дополнительных комментариев.

Особенностью поэтического текста автора является соотнесенность единиц с мифологией трех исторических локусов с социокультурной спецификой. Мифонимы *Шива, Гиперборей, Прозерпина, Аполлон, Эвтерпа, Амфитрита, Клио, Урания, Леда, Лесбия, Мнемозина, Янус, Амур, Борей, Хронос, Посейдон, Афина, Минерва, Персефона, Нерей, Марс, Эол, Бахус, Артемида, Парки, Вертумн, Помона, Аид* представляют мифонимную сферу Древней Индии, Древней Греции и Рима, цивилизации которых выступают предтечами и источниками многих мировых культурно-исторических формаций. В текстах И. Бродского преимущественно реализованы мифоперсонимы, семантика которых в прагматическом компоненте содержит контекстуально обусловленные положительные коннотации земного и верхнего мира. Альтернативное пространство намеренно лишено второго сопряженного компонента: избегание именования темных, деструктивных сил подземного мира – очевидный и последовательно реализованный контекстный прием.

В качестве номинаций высшего божества нового исторического этапа развития мировых цивилизаций выступают не только ядерные онимы, такие как *Христос, Аллах, Магомет, Будда*, но и онимизированные апеллятивы околядерного пространства, называющие божество – *Бог, Господь, Творец, Божество, Спаситель, Сын Господен, Бог Солнца, Незримый, Сын, Отец*. Такое количество именований можно объяснить в том числе и тем, что при переводе Библии или именовании Бога каждый народ руководствовался своими представлениями об истинном Образе и Имени Бога, вопрос о которых в теологии является одним из центральных. Для И. Бродского многочисленные именованья божества – еще и речевой намек на мысль о божественной определенности всего сущего, о стремлении к абсолюту и подобному миропорядку.

В границах мифонимии существует и микрополе мифоантропонимов. В поэзии И. Бродского двенадцать онимов связаны своим ветхозаветным распространением, четырнадцать – новозаветным. Мифоантропонимия поэзии И. Бродского характеризуется своим библейским происхождением: шесть единиц – *Ева, Адам, Иаков, Исаак, Ревекка, Авраам* – объединены ветхозаветным текстом, восемь единиц – *Иосиф, Мария, Бальтазар, Каспар, Мельхиор, Назорей, Лазарь, Ирод* – контекстом Нового завета: «... Ему все казалось огромным; грудь

матери, желтый пар / из воловьих ноздрей, волхвы – Бальтазар, Каспар, / Мельхиор; их подарки, втащенные сюда / Он был всего лишь точкой. И точка была звезда» [7, с. 3].

Книги Ветхого завета есть канонический кодекс веры, морали, всесторонних знаний о мире и человеке, о месте человека в мире и социуме. В центре ветхозаветного повествования находятся люди с их историями и судьбами, что насыщает Библию событиями и персонажами, тогда как новозаветный текст концентрируется в образе Иисуса Христа.

Для индивидуально-авторской картины мира концептуально важны идейные мотивы обеих частей Библии, о чем свидетельствует паритетное соотношение образов Ветхого и Нового завета, представленных в тексте соответствующими мифонимами. Некоторые из собственных имен подвергаются трансформации в связи с их эстетической и выразительной валентностью. Так, оним *Исаак* в тексте функционирует и в варианте *Исак*, который создает иллюзию гипористической формы, а смысловое контекстное окружение преобразованного мифонима трансформирует его семантику, внося блоки культурно маркированной информации – имя существует в русской коммуникации и в соответствии с этим преобразуется: «По-русски Исаак теряет звук / Ни тень его, ни дух (стрела в излете) / Не ропщут против буквы вместо двух...» [8, с. 32]. В связи с ситуацией этнически маркированной номинации развивает автор и одну из идей поэмы «Исаак и Авраам»: на фоне ветхозаветного сюжета о жертвоприношении по требованию Бога Авраамом своего сына Исаака как примера столкновения моральных норм и божественного повеления, человеческого страдания и божественного избавления от него появляется авторская мысль о том, что русское бытие сопряжено с наличием страдания зачастую без надежды на избавление: «Но не вздымает нож ничья рука / чтоб кончить муку, нет вблизи Аврама ... И снова жертва на огне Кричит: / вот то, что «Исаак» по-русски значит» [9, с. 40].

Онимы *Гектор, Аякс, Андромаха, Ариадна, Тезей, Орфей, Язон, Нарцисс, Пенелопа, Улисс, Полифем* и др. представляют древнегреческие сказания о богах и героях. Эта часть ономастического пространства употребляется в языке для именованья гипотетических объектов. Пространство мифонимии определяется моделью мира, созданной древними греками, где реальные элементы дополнялись фантастическими и гипотетическими, тем не менее принимаемыми за реальные. Сюжеты древнегреческих мифов в качестве аллюзий поэт использует неоднократно, проводя параллель между мифическими героями и состоянием лирического героя: «Я покидаю город,

как Тезей – / свой Лабиринт, оставив Минотавра / смердеть, а Ариадну – ворковать / В объятьях Вакха» [8, с.83].

Ряд мифонимов этого семантического типа представлен в рамочном тексте стихотворений – заголовочных номинациях *Орфей и Артемида, Дидона и Эней, Одиссей Телемаку, Дедал в Сицилии*. Этими единицами фиксируется только отнесенность к тому или иному сюжету без фиксации характера обращения, которое может быть и цитатным, и аллюзивным, и нейтральным, и полемическим. Спецификой поэтического пространства И. Бродского можно назвать то, что его заголовочные номинации с денотатами-мифологическими образами аллюзивны и полемичны. Например, заголовок *Орфей и Артемида* уже в характере объединения на правах однородности двух образов – знаменитого певца Эллады Орфея и богини охоты, плодородия Артемиды – вступает в полемику с претекстом – мифом об Орфее и Эвридике.

Традиционная двухкомпонентная номинация *Орфей и Эвридика* выступает как мифологема вечной любви и безграничной преданности. При этом сам Орфей – загадочный образ-символ музыканта, творца, который покоряющей силой звуков мог повелевать животными, растениями и даже камнями и вызывать сострадание у богов подземного мира. И образ Орфея, и образ Артемиды связаны с идеей жизни, движения, постоянного изменения, трансформации. Однако стихотворный текст открывается предикацией зимы («Наступила зима...»), семантика которой расширяется благодаря лексическому ряду, связанному с темой зимы – снег, белизна. Образ зимы является одним из ведущих в творчестве автора, когда «сезонное возвращение снега напоминает величавый покой небытия... Снег уничтожает своей белизной всякое разнообразие, поэтому мир живых становится царством мертвых... Белизне снега созвучно безмолвие, а в своей «сдержанности» он соответствует стоицизму героя Бродского» [10]: «В скобки берет зима / жизнь. Ветвей бахрому / взгляд за собою влечет...» [9, с. 57]. Снега хранят следы животных, но всеобщую затаенность, обесцвеченность, скрытость не под силу преодолеть ни Артемиде, ни Орфею: развитие поэтической мысли венчается лексемой *бестиарий*, которая вводит в контекст образ средневекового сборника зоологических статей с подробным описанием различных животных. Так, не сами животные, а их статичное описание, не движение и развитие, а затаенность и обезличенность составляют смысловую доминанту абсолютного конца стихотворения. В мифониме *Орфей* на уровне прагмакомпонента этот смысловой блок поддерживает и

контекстуальная близость апеллиатива-дефиниции *новый*: ни звери, ни камни не подвластны певцу, тем более что в новом временном измерении Орфей выступает единственным активно действующим субъектом, а весь мир вокруг – лишь застывшая копия реальности, связанная с семантикой логико-философского понятия возможного мира.

В границах мифонимии, представленной в поэтических произведениях И. Бродского, выделяется объединение мифотопонимов, среди которых ведущие позиции занимают мифохоронимы, характеризующиеся своим дисперсным ядерно-периферическим расположением: *Рай, Ад, Геенна, Эдем*. Отдельно следует отметить мифонимы с общей семьей «место, где пребывают души мертвых» – *Аид* (вариант – *Царство Вечного Молчанья*), *Валгалла, Царство Теней, Царство Мертвых*. Многообразие наименований исходно единой топографической единицы является иллюстрацией того, что место, которого никто не видел и которое существует гипотетически, каждый народ представлял по-своему, а название фиксировал в мифах и эпосе.

Околоядерное пространство мифонимного поля, представленное мифотопонимами, в поэзии И. Бродского расширяется мифоастинимами (*Содом, Троя / Илион*), мифооронимами (*Голгофа, Синай, Афон*), мифопотамонимами (*Стикс, Лета, Рубикон*).

Область мифонимного поля поэзии И. Бродского включает в себя мифозоонимы, представленные всего двумя единицами ближней периферии – названием греческого мифического чудовища, полубыка-получеловека, рожденного женой критского царя Миноса от связи со священным быком бога Посейдона (*Минотавр*), наименованием существа со змеями вместо волос и взглядом, обращающим любого в камень (*Горгона*). Образы и Минотавра, и Горгоны составляют область раскрытия семантической наполненности именованных центральных персонажей мифологического претекста, который они представляют, – *Тесея* и *Персея*.

Заключение. Знаковая последовательность, представляющая художественный текст И. Бродского, многомерна и многослойна. Языковые знаки вмещают множественные смыслы, которые выстраиваются в семантические векторы индивидуально-авторской картины мира. Топос поэтического текста И. Бродского формируется не только в измерении реального субъектно-объектного мира, но и в проекции альтернативных, ирреальных миров, языковыми средствами создания образов которых являются мифонимы, чье типологическое разнообразие обеспечивает модели метафизического, альтернативного мира протореальные, осознаваемые черты.

Литература

1. Фромм, Э. Искусство любить / Э. Фромм. – Москва: АСТ Москва, 2009. – 224 с.
2. Босова, Л.М. Концептуальная картина мира как основа понимания смысла речевого произведения / Л.М. Босова [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa1999_1/pages/30/pap_30.html– Дата доступа: 19.12.2017.
3. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2014. – 263 с.
4. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. – Москва – Екатеринбург: Акад. проект, Деловая кн., 2004. – 206 с.
5. Лукшиц, Ю. Альтернативная реальность. Дорога в иные миры / Ю. Лукшиц [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <https://www.proza.ru/2010/07/28/146>. – Дата доступа: 10.11.2017.
6. Новейший философский словарь / А.А. Грицанов [и др.]; под ред. А.А. Грицанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Интерпрессервис, 2001. – 1280 с.
7. Бродский, И. Пейзаж с наводнением / И. Бродский. – СПб: Пушкинский фонд, 2000. – 240 с.
8. Бродский, И. Остановка в пустыне / И. Бродский. – СПб: Пушкинский фонд, 2000. – 248 с.
9. Бродский, И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. – СПб.: Азбука, 2014. – 880 с.
10. Халимбекова, М.С. Образы времени и пространства в поэтическом сборнике Иосифа Бродского «Остановка в пустыне» [Электронный ресурс]. – 2017. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/obrazy-vremeni-i-prostranstva-v-poeticheskom-sbornike-iosifa-brodskogo-ostanovka-v-pustyne>. – Дата доступа: 10.12.2017.

Поступила в редакцию 18.01.2018 г.